

Призрак

Литературная обработка и приложение Г. Пархоменко
Перевод 7-й книги (главы I-III) О. Чоракаева
М.: "Радуга", 1994
ОСР Бычков М.Н.

ТОМ ПЕРВЫЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

КОМПОЗИТОР

I

Во второй половине последнего столетия жил в Неаполе один артист по имени Газтано Пизани. Это был гениальный, но неизвестный композитор; во всех его произведениях было что-то капризное и фантастическое, что не нравилось неаполитанским дилетантам. Он любил странные сюжеты; и арии и симфонии, сочиненные им, пробуждали в слушателях что-то вроде ужаса. Заглавий этих опер будет, конечно, достаточно, чтобы дать понятие об их характере. Я нахожу, например, между его манускриптами: "Пиршество гарпий", "Колдуньи Беневенто {Город на Юге Апеннинского полуострова; с 1077 по 1860 г. – папское владение.}", "Сошествие Орфея в ад", "Фурии" – и много других, которые указывают на его сильное воображение и в которых преобладает ужасное и сверхъестественное, несмотря на то что часто среди его мрачных произведений встречается легкая, приятная мелодия.

Выбирая свои сюжеты из древней мифологии, Газтано Пизани был верен исконным свойствам и традициям итальянской оперы.

"Сошествие Орфея в ад" было только более смелым и мрачным повторением "Эвридики", которую написал Якопо Пери на бракосочетание Генриха Наваррского и Марии Медичи {Орфей был любимым героем возникающей оперы. "Орфей" Анджелико Политьена был в моде в 1475 г. "Орфей" Монтеверди был исполнен в Венеции в 1667 году.}. Однако, как я уже сказал, стиль неаполитанского композитора не нравился слушателям, которые стали слишком разборчивы касательно мелодии благодаря изысканной тонкости произведений того времени: ошибки и нелепости, легко отыскиваемые в сочинениях Пизани, снабжали критиков темами для многочисленных разборов.

Если бы бедный Пизани был только композитором, он бы, конечно, умер с голоду; но, к счастью для него, он обладал громадным талантом исполнителя на скрипке и был обязан этому инструменту своим скромным существованием как член оркестра большого театра Сан-Карло. Там он должен был исполнять точно определенную, назначенную работу под строгим присмотром, усмирив, конечно, свою дику фантазию, и все-таки, если верить истории, пять раз его просили о выходе из оркестра по причине своевольных импровизаций – такого странного и ужасного характера, словно гарпии и колдуньи, его вдохновительницы, раздирали своими ногтями струны инструмента. Но в его спокойные и светлые минуты невозможно было найти подобного ему артиста. Ему нужно было часто напоминать об обязанностях, в конце концов он покорился необходимости адажио и аллегро.

Публика, зная его слабость, строго следила за ним, и, если он на минуту забывался, что часто обнаруживалось странной судорогой в лице или нервным движением смычка, тотчас подымался общий ропот, который остерегал бедного музыканта и, выводя его из преисподней на землю, возвращал к определенным обязанностям. Тогда можно было видеть, как он вздрагивал, будто очнувшись от сна, бросал вокруг себя, как бы извиняясь, быстрые и испуганные взгляды; потом с потерянным и униженным видом возвращался к должной игре. Но дома, после концерта, он вознаграждал себя. Там, схватив свою несчастную скрипку дрожащими руками, он извлекал из нее, часто до самого утра, странные и фантастические аккорды, и не раз рыбак, испуганный и удивленный этой дикой гармонией, чувствовал себя охваченным суеверным страхом и крестился, как будто какая-нибудь сирена или водяной дух испускал жалобные стоны.

Наружность Пизани была сообразна со свойством его таланта. Его черты были благородны и выразительны, но угрюмы; черные волосы спускались